

АРТЕМ САВЕНКОВ

МОЙ СЫН ВИНОВАТ

16+

Арте́м Саве́нков

Мой сын виноват

«Автор»

2026

Савенков А.

Мой сын виноват / А. Савенков — «Автор», 2026

Михаил умеет чинить машины и привык выручать сына. Но однажды ночью на его телефоне появляются семнадцать пропущенных. Данила сбил женщину и уехал. Отец находит адвоката, продаёт подъёмник в своей мастерской, собирает записи с камер. Впереди ехал белый фургон. Значит, есть другая версия. Значит, ещё можно всё исправить. Но каждый новый свидетель меняет историю той ночи. А у погибшей есть имя и мать, которая всё ещё открывает переписку с дочерью. Пока Михаил ищет оправдание сыну, чужая семья учится жить после его поступка. Теперь Данила просит только об одном — чтобы отец промолчал. Михаил всегда знал, как защищать своего мальчика. Впервые ему придётся понять, от чего он его спасает — и кто заплатит за это спасение.

© Савенков А., 2026

© Автор, 2026

Артем Савенков

Мой сын виноват

АРТЕМ САВЕНКОВ
МОЙ СЫН ВИНОВАТ

Роман

Содержание

Часть первая Папа разберётся

Глава 1 Лишняя деталь 3

Глава 2 Когда вырастешь 8

Глава 3 Семнадцать пропущенных 13

Глава 4 Там всё было иначе 18

Глава 5 Ольга 23

Глава 6 Надо разобраться 27

Глава 7 Другой водитель 31

Глава 8 Я тебя вытащу 36

Часть вторая Почти правда

Глава 9 Часы на камере 41

Глава 10 Цена подъёмника 46

Глава 11 Они останавливались 50

Глава 12 Андрей не смотрит в глаза 57

Глава 13 Один старый случай 62

Глава 14 У нас тоже ребёнок 69

Глава 15 Царапина была раньше 74

Глава 16 Ты же мой отец 78

Часть третья Что ты сделаешь теперь

Глава 17 Пассажир 83

Глава 18 Пусть разбираются 88

Глава 19 Её комната 92

Глава 20 Последовательность 97

Глава 21 Просто промолчи 101

Глава 22 Всё исправить 106

Глава 23 Подпись 111

Глава 24 Не приходи 114

Часть четвертая Оставаться отцом

Глава 25 Хороший человек 119

Глава 26 Условия Сергея 123

Глава 27 Мне не легче 128

Глава 28 Кому теперь помогать 132

Глава 29 Слова Данилы 137

Глава 30 Стало легче? 144

Глава 31 Письмо без требования 150

Глава 32 Приеду 156

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Папа разберётся

Глава 1

Лишняя деталь

Когда владелец серебристого «Логана» спросил, откуда на верстаке взялась лишняя гайка, Михаил ещё держал его ключи в руке.

— С вашей машины, — сказал он.

Клиент отступил от подъёмника.

— То есть как?

— Упала, пока вы рассказывали, что сами бы всё сделали.

Сергей, сидевший за столом с накладными, перестал писать. Хозяин машины посмотрел на него, потом на Михаила, проверяя, можно ли уже смеяться.

— Не слушайте, — сказал Сергей. — Это моя. Я с утра разбираюсь на запчасти.

За воротами скрипнули тормоза. В мастерскую вошёл Данила с двумя пакетами. Ворот куртки у него намок, на кроссовке темнела полоса глины. Он поставил пакеты на единственный чистый угол стола, сдвинув туда локтем папку с надписью «Важное».

В папке хранились гарантия на умерший принтер и инструкция от чужой сигнализации.

— Ты обедал?

— В процессе.

— Пап, половина пятого.

— Вот. Самое время продолжить.

Данила достал контейнеры, хлеб, яблоки и пачку творога. Творог Михаил не любил, но врач велел есть, и сын теперь покупал его при каждом удобном случае.

Клиент рассчитался, ещё раз заглянул под машину и уехал. Больше тридцати лет за рулём, а о моторе, по собственному признанию, знал только, что тот должен работать тихо. Михаил покачал головой и убрал ключи.

Сергей рассказал Даниле, как утром к ним заглянула женщина с детским самокатом. У самоката болталась ручка. Мальчик лет пяти стоял рядом и нажимал на задний тормоз: тот громко щёлкал, и ребёнок всякий раз прислушивался.

Михаил нашёл подходящий крепёж. Пока возился, мать рассказывала, что вещь новая, купили весной, а теперь в магазине говорят про неправильное использование. Мальчик невозмутимо добавил:

— Я с лестницы ездил.

Мать осеклась. Сергей ушёл в комнату, чтобы не смеяться при ней.

— Ну, теперь договоримся, — сказал Михаил ребёнку. — По лестнице ходишь ты. Самокат несёшь.

— Он тяжёлый.

— Тогда лестницу отменяем.

Женщина спросила, сколько с неё. Михаил махнул рукой. Она всё-таки оставила на столе двести рублей. Он хотел вернуть, но передумал и поблагодарил.

Данила выслушал и спросил, давно ли они занялись самокатами.

— С транспортом, который сам не едет, проще, — ответил отец.

Сын рассказал, что однажды ему на подработке велели доставить огромного плюшевого медведя. Медведь не помещался в машину, и Данила вёз его на переднем сиденье, пристегнув ремнём. На светофоре соседний водитель предложил пассажиру сигарету.

Михаил смеялся, пока сын показывал, как медведь заваливался на поворотах. Данила замечал одну смешную подробность — и все уже видели то же, что он. Рядом с сыном даже утомительный день нередко заканчивался удачно.

Чайник на плитке щёлкнул, но не выключился.

Данила снял его с подставки.

— Вы купите новый когда-нибудь?

— Этот греет.

— Он не выключается.

— У нас разделение труда. Он греет, мы выключаем.

— Какой же ты упрямый.

Михаил взял у него контейнер и сел. На пластиковой крышке сын маркером написал: «Сначала разогреть». Под надписью было нарисовано маленькое сердитое лицо.

Раньше Данила рисовал такие лица в школьных тетрадах. Учительница показывала Михаилу целую страницу с физиономиями вместо деления столбиком. Он отругал сына, а дома ещё раз открыл тетрадь и не удержался от смеха. Данила заметил. Строгость пришлось отложить.

— Твою куртку выбросить надо, — сказал сын.

— Кому это надо? — переспросил Михаил.

— Куртку. У неё возраст призывной.

— Зато ни разу денег не просила.

Сергей принёс третью кружку. Все трое ели за столом у стены; над соседним рабочим местом висела машина. Из ворот тянуло холодом и влажной листвой. На юге ноябрь подолгу притворялся октябрём, а потом за одну ночь начинал зиму.

Данила рассказывал про собеседование. Компания обслуживала торговое оборудование, работа была в областном центре. Обещали уже не ученическую зарплату. Михаил слушал и считал: комната, еда, транспорт, зимняя одежда. Сын замолчал, глядя ему в лицо.

— Ну?

— Что «ну»?

— Ты уже придумал, почему мне не надо?

— Я вообще молчу.

— Ты громко молчишь.

Сергей отвёл глаза в кружку. Он знал, когда лучше не помогать.

Михаил хотел спросить про договор, но спросил, куплена ли зимняя резина. Данила ответил, что лежит в гараже: завтра переставит. Потом наклонился и вытащил отцовский шнурок из-под ножки стула.

— Упадёшь же.

Михаил смотрел на его макушку. В восемь лет Данила точно так же наклонялся над Наташиной туфлей: помогал застегнуть ремешок, когда ей уже было тяжело. Сам ремешок застегнуть не мог, но долго старался.

Теперь у сына была широкая спина. Михаил всё равно чувствовал желание положить ладонь ему между лопаток — придержать, пока тот выпрямляется.

После еды Данила собрал пустые контейнеры. Творог оставил на столе.

— Не спрячешь. Я проверю.

— Ты на работу устраиваешься или в санитарную инспекцию?

— С тобой приходится совмещать.

На пороге он задержался, прижимая телефон к уху. Звонил Андрей. Они собирались забрать у знакомого музыкальную колонку: Андрей иногда подрабатывал на праздниках и теперь хотел купить свою. Данила любил аппаратуру, в которой было много кнопок. Михаил к ней не подходил после того, как однажды полчаса разговаривал с телевизором, пытаясь включить радио.

— Поздно не кататься, — сказал он.

— Хорошо.

— Резину завтра с утра.

— С утра.

— Если опять та лампочка загорится — не катайся, звони.

Данила показал два пальца: понял, принял. Ворота скрипнули. Через несколько секунд снаружи коротко просигналили.

Сергей вытряхнул в ладонь две таблетки из упаковки, лежавшей у кружек.

— Это тебе сын оставил.

— Вижу.

— Так выпей.

Михаил выпил. Потом вернулся к машине на подъёмнике. Из открытого контейнера пахло жареной картошкой. Он подумал, что надо всё-таки купить чайник. Самый простой, без телефона внутри. И не забыть спросить Данилу, дадут ли на новой работе общежитие.

Глава 2

Когда вырастешь

Накануне, в пятницу, они уже говорили об общежитии. Данила сидел за кухонным столом и пытался отправить резюме с отцовского ноутбука. Тот держал заряд минуты три и любил устанавливать обновления именно тогда, когда человеку было некогда.

— Они не строительная вахта, пап. Какое общежитие?

— Служебная квартира бывает.

— С моим стажем? Мне ещё служебную кофту не дадут.

Михаил чистил яблоко маленьким ножом, оставляя толстую кожуру. Данила говорил, что отец чистит яблоки как картошку, а картошку — будто она ему задолжала.

— Снимать сколько?

— Найду с кем-нибудь.

— Это не ответ.

— Я ещё не уехал. Меня ещё не взяли.

Над столом висели часы, которые Наташа купила на рынке. Вместо цифры шесть у них был нарисован лимон. После её смерти Михаил убрал фотографию из спальни: не мог засыпать под взглядом человека, которому столько всего не успел сказать. Часы остались, и он каждый день смотрел на лимон, не думая о том, кто его выбрал.

В квартире было две комнаты. Данилина почти не изменилась с последнего школьного класса. Та же полка из плохо покрашенных досок, тот же плакат музыкального фестиваля, теперь с загнутым углом. Сын хотел выбросить полку, но Михаил сказал, что она крепкая. На этом разговор о новой мебели закончился.

— Понимаешь, — начал он, — там тебя никто не ждёт.

Данила убрал руки с клавиатуры.

— А здесь ждут?

— Я не в этом смысле.

— Здесь мне двадцать один, а я перед каждой покупкой спрашиваю у тебя. Я хочу сам.

— Так делай.

— Я и делаю. Ты говоришь: не надо.

Михаил положил на тарелку четвёртую дольку. Кончик большого пальца, прижатый к рукоятке ножа, побелел.

— Я говорю — посчитай сначала. Квартира, залог, еда. На испытательном вылетишь, что потом?

— Приеду обратно.

Ответ почему-то обидел. Будто Данила заранее оставлял отца возле двери, как зонтик: пусть стоит, вдруг дождь.

— Деньги на переезд откуда?

— Займу.

— У кого?

Сын не ответил. Вопрос был лишний. Оба знали, у кого.

Михаил хотел сказать что-нибудь доброжелательное. Вместо этого спросил, когда сын в последний раз менял масло.

— Господи, пап.

Сын вышел на балкон и закрыл дверь, но через минуту вернулся. На улице было холодно. Ссориться там оказалось неудобно.

— У меня тоже не всё должно получаться сразу, — сказал он тише.

— Я разве спорю?

— Ты не споришь. Ты сразу исправляешь.

Михаил стал мыть нож. Вода шумела громче, чем нужно.

Вспомнилась начальная школа. Коридор, директор в маленьких очках, Данила с разбитой губой. Сын ударил мальчика, который сказал дурное слово про его мать. По крайней мере, так он объяснил. Позже выяснилось: до этого Данила несколько дней прятал у того сменную обувь. Михаил узнал от Наташи — она тогда уже лечилась, но дети всё равно рассказывали ей больше.

«Сначала спроси, что он сделал», — сказала она.

Михаил ответил: «Я знаю своего сына».

Теперь он выключил воду и обернулся.

— Договор свой покажешь, когда пришлут?

Данила кивнул. Этого пока хватило.

Сын принёс из комнаты телефон, показал фотографии чужой съёмной квартиры. Отдельная комната с письменным столом, линолеум под дерево, на стене криво прикрученная розетка. Михаил увеличил снимок.

— Это надо переделать.

— Я ещё не снял, а ты уже туда с отвёрткой.

Они засмеялись. Данила положил отцу руку на плечо, чуть сжал.

— Я не пропаду, — сказал он.

— Это я знаю.

Позже сын попросил полторы тысячи на бензин до следующей подработки. Михаил перевёл две. Данила взглянул на сумму, но отец уже отошёл от стола.

Перед сном Михаил нашёл в интернете расстояние до областного центра. От их дома до того, где сдавалась комната, выходило сто восемьдесят четыре километра. Он посмотрел дорогу, ремонт моста, круглосуточные заправки.

На экране открылся чужой город. Там сыну придётся искать нужный подъезд, покупать еду, звать мастера, если потечёт кран. Последнее особенно беспокоило: Михаил починил бы за десять минут. А там придётся кому-то звонить и платить.

За стеной сын на секунду перестал смеяться. Послышались шаги.

— Ты спишь?

— Нет.

Данила сел в ногах дивана.

— Я не потому, что здесь плохо.

Михаил отложил телефон экраном вниз.

— Я понимаю.

— Не понимаешь. Ты думаешь, мне за тебя стыдно.

Отец не ответил. Иногда ему действительно так казалось. Особенно когда Данила советовал переодеться перед походом в банк или спрашивал, зачем тот здоровается со всеми продавщицами так, будто они вместе учились.

— Мне самому за себя бывает, — сказал сын. — Все что-то уже делают. Квартиры снимают, по работе ездят. А я у тебя всё время на запасном выходе.

Михаил посмотрел на его колено. На джинсах была светлая протёртость, и он с трудом удержался от вопроса, нужны ли новые.

— Запасной выход никому не мешает.

— Мне мешает.

Сын произнёс это без злости. Отец кивнул. Они посидели в тишине. Потом Данила сказал, что работодатель обещал учить новичков, и показал письмо. Михаил прочитал медленно, стараясь не искать подвох в каждой строчке.

— Ну, попробуй, — сказал он.

Сын улыбнулся. Михаил тоже, но всё-таки добавил:

— Только договор всё равно покажи.

Сын ткнул его кулаком в колено и ушёл. Михаил снова взял телефон, но дорогу больше не увеличивал. Полежал, рассматривая чужой освещённый проспект целиком.

Данила в соседней комнате разговаривал с Андреем. Судя по смеху, они всё ещё спорили из-за колонки.

Михаил убрал телефон под подушку. Сто восемьдесят четыре километра были расстоянием, которое при необходимости можно проехать за ночь.

Глава 3

Семнадцать пропущенных

Он не понял, что его разбудило. Телевизор говорил чужим ровным голосом, за окном щёлкал от ветра неплотно закреплённый отлив. В комнате было темно, только синий свет двигался по потолку.

Михаил сел на диване. На груди лежал пульт. Он выключил звук, прислушался и услышал из прихожей короткую вибрацию.

Рабочая куртка висела под обычной. Он долго не мог попасть рукой в нужный карман.

Семнадцать пропущенных. Последний вызов — несколько секунд назад. Под именем «Даня» было сообщение: «Пап возьми».

Михаил перезвонил, уже надевая ботинок. Только потом заметил, что вторая нога босая.

— Ты где?

В трубке тяжело дышали.

— Пап.

— Где ты?

— На старой базе. У Андрюхи. Пап, я...

— Ты целый?

— Да.

— Андрей?

— Тоже.

Он сел. Ботинок с незавязанным шнурком стоял на коврикe между ногами.

— Что случилось?

Сын говорил кусками. «Грузовик», «она выскочила», «я вправо», «не знаю». Михаил услышал слово «сбил» и сначала понял его как «съехал». Съехал с дороги, ударился, разбил машину. Всё это было исправимо. Он даже успел прикинуть, кому позвонить за эвакуатором.

— Кого сбил?

Данила заплакал. Михаил никогда не слышал его такого плача: без всхлипов, с одним и тем же сухим звуком, будто он пытался вытолкнуть из горла что-то застрявшее.

— Полиция там?

— Я уехал.

— Как уехал?

— Я не мог там, пап. Я не мог.

Михаил нашёл второй носок под диваном. До базы было пятнадцать минут. Он ехал на старой «Ниве», несколько раз забывая переключить передачу. У круглосуточной аптеки машинально притормозил: когда-то возил сюда Наташу по ночам. Спихватился и поехал дальше.

Данилина машина стояла за воротами бывшего автокомбината, в тени пустого ангара. Правая часть ветрового стекла разбита, край капота загнулся, в фаре торчал прозрачный осколок. Михаил остановился поодаль. Секунду сидел, не выключая двигателя.

Данила вышел из сторожки. На нём была та же куртка, что днём. Одна пуговица на воротах оторвалась.

Михаил обнял его слишком крепко. Сын стоял неподвижно, потом уткнулся лбом ему в плечо.

— Головой не ударился? Тошнит? Руки покажи.

Он проверил ладони, провёл пальцами по виску, оттянул ворот. Сзади стоял Андрей, серый от холода и страха. Держал бутылку воды, но крышку так и не открутил.

— Скорую вызвали?

— Фургонщик вызывал, — сказал Андрей.

— Ты видел?

— Он с телефоном был.

— Даня, ты видел?

Сын покачал головой.

Михаил позвонил в экстренную службу. Назвал дорогу и переход у мебельного магазина. Помощь уже отправили; у него уточнили имя, номер телефона и попросили оставаться на связи. Данила смотрел на аппарат в отцовской руке.

Потом Михаил позвонил Сергею. Тот нашёл номер адвоката, который когда-то помогал его брату. До Елены Громовой дозвонились не сразу. Она говорила сонным голосом, но задавала короткие, точные вопросы.

— Машину не трогайте. Ничего не мойте. Не обсуждайте, что кому говорить. Я сейчас перезвоню.

Михаил посмотрел на грязную тряпку у Андрея в руке. Тот тут же положил её на подоконник.

— Это я руки, — сказал он.

Никто не ответил.

Михаил отошёл к воротам. Нужен был воздух, хотя стояли они и так почти на улице. Возле ангара лежали бетонные плиты, поросшие жёсткой травой. Когда-то здесь работала целая автобаза, теперь сдавали углы под склады. Андреев знакомый сторожил один из них и пустил их погреться.

Сторож вышел со своей кружкой. Не спросил, что случилось. Посмотрел на машину, на Данилу, на Михаила и сказал, что внутри есть обогреватель.

Михаил поблагодарил, но остался у ворот. Отсюда он видел и машину, и обеих парней.

Данила подошёл следом. Держал рукава, втянув ладони внутрь.

— Ты не будешь заводить её? — спросил он.

— Нет.

— Она доехала. Я думал, можно к вам...

Он оглянулся на повреждённое стекло. В мастерской есть свет, крыша, инструмент. На миг захотелось увезти машину туда и заняться тем, что умеет.

— Машина останется здесь, — сказал он.

— Пап, я не прятать.

— Я не сказал, что прятать.

Они оба замолчали. Сторож хлопнул дверью. В темноте кто-то из соседнего склада закашлялся и включил радио. Михаил подумал, что утром все эти люди будут обсуждать их, а он даже не знает лиц.

— Мне страшно, — сказал Данила.

Отец притянул его к себе. Мокрая ткань холодила ладонь. Хотел спросить, почему сын сначала уехал, а уже потом стал звонить. Не спросил: Данила дрожал.

— Я здесь, — повторил Михаил.

Михаил держал его и прислушивался к телефону. Ждал звонка Громовой.

На телефон перезвонили с незнакомого номера. Назвались из полиции, уточнили, где находится машина. Сказали и о женщине: спасти не удалось. Михаил смотрел на лампу над дверью, на бутылку в руках Андрея. В ангаре по-прежнему было холодно.

Отец убрал телефон.

— Поедем, — сказал он.

— Куда?

— Туда, куда скажут. С адвокатом. Больше прятаться не будем.

Данила задышал часто.

— Ты же pomoжeшь?

— Помогу.

— Ты не понимаешь, там...

— Ты на неё наехал?

Сын посмотрел в сторону своей машины. Михаил повторил вопрос. Ему нужно было услышать хотя бы одно простое предложение.

— Там всё не так было, — сказал Данила.

Влажная ветка ударила по воротам. Михаил вздрогнул и разозлился на себя за это движение. Потом снял куртку и накинул её сыну на плечи.

Глава 4

Там всё было иначе

За ночь Михаил отсидел на пластиковом стуле поясницу. Елена Громова приехала в тёмном пальто, с наспех собранными волосами и пакетом, из которого торчал хлеб. Купила по дороге домой — теперь пакет ездил с ней по кабинетам.

Она отвела Михаила в сторону.

— Я работаю с Данилой. Вы можете помогать, но я не буду пересказывать вам каждое наше слово. Он совершеннолетний. Понимаете?

— Конечно.

Он понимал её слова, но согласиться не мог. Недавно переводил сыну деньги на бензин; теперь даже разговор о нём требовал отдельного разрешения.

— И ещё. Ему сейчас не нужна версия, которую вы сочтёте хорошей. Нужны точные сведения.

— Вы думаете, он врёт?

— Я думаю, что произошла авария со смертью человека. А уставшие, испуганные люди рассказывают непоследовательно. С этим и будем работать.

Следователя звали Костин. Он был лет на пятнадцать моложе Михаила. Во время первого короткого разговора пил остывший чай из кружки с названием чужого города и просил не отвечать за сына. Затем отца попросили подождать в коридоре.

Данила говорил, что ехал по Заводской. Впереди двигался белый фургон. Перед переходом тот резко замедлился. Данила стал уходить левее, почти выровнялся с ним, и справа возникла женщина.

— Он её закрыл, — повторял сын. — Я её вообще не видел.

Какую скорость показывал спидометр? Где затормозил фургон? Когда Данила заметил переход? Часть вопросов Михаил слышал в начале, остальные узнал потом. Сын отвечал то сразу, то одним и тем же: «Не помню».

Михаил сидел в коридоре и узнавал обрывки позднее, из собственных разговоров с сыном. К середине дня ему начало казаться, что он сам был в машине: мокрая дорога, белая стенка справа, человек, возникший из ничего.

— А куда ему было деваться? — спросил он Громову.

— Это устанавливают по обстоятельствам, не по одному рассказу.

— Вы так отвечаете, будто уже решили.

Она посмотрела на него устало.

— Михаил, я не могу одновременно работать и успокаивать вас каждой фразой.

Он замолчал. От её прямоты стало обидно, потом стыдно. Ему хотелось уйти и найти адвоката, который говорил бы иначе. Того, кому всё было бы понятно сразу.

Андрей находился в другом кабинете. Когда его выпустили, он прошёл мимо, почти не подняв головы. Михаил окликнул его, спросил, ел ли он. Парень сказал, что мать ждёт, и быстро ушёл.

Данилину машину осматривали отдельно. Отцу не позволили подходить близко. Он смотрел из-за ограждения и машинально перечислял повреждения: капот, крыло, стойка, стекло. По одному внешнему виду он не мог восстановить столкновение. Знал это совершенно точно — и всё равно пытался.

Сын говорил, что лишь задел женщину краем машины. Глядя на смятый металл, Михаил думал о скорости. Потом одёргивал себя: сам объяснял клиентам, что по виду одной вмятины таких выводов не делают.

К вечеру Данила смог поехать домой. С него взяли подписку о невыезде и надлежащем поведении. Громова объяснила: мера пресечения ещё может измениться, а обязательства нужно соблюдать. Михаил услышал главное — сегодня сына отпускают.

Он купил в магазине бульон, потому что Данила сказал: ничего не лезет. В квартире сын снял кроссовки и долго стоял в носках посреди прихожей.

— Куда куртку?

— Вешай.

— А вдруг её тоже...

— Как скажет адвокат. Пока не стирай.

Они сели на кухне. Михаил пододвинул миску, Данила отодвинул. На часах с лимоном было восемь. Пятничный спор про работу казался случившимся с другой семьёй.

— Она была в светлом, — вдруг сказал сын. — Не понимаю, почему он её не пропустил нормально.

— В светлом?

— Пальто.

Михаил вспомнил: Данила говорил, что до удара женщину не видел. Разглядеть мог после. Но он же сразу уехал.

— Ты выходил?

Сын поднял глаза.

— Когда?

— После.

Сын помедлил. Михаил заметил и стал ждать.

— Дверь открыл. На секунду. Не помню уже.

— Пока останавливался, разглядел? — подсказал Михаил.

Данила кивнул.

Отец сам предложил объяснение и обрадовался, когда сын кивнул. Не стал спрашивать дальше.

Поздно вечером Данила уснул прямо в одежде. Михаил постоял в дверях, прислушиваясь к дыханию. Сын лежал на боку, подложив ладонь под щеку. В комнате пахло влажными кроссовками и тем самым дешёвым одеколоном, который отец купил ему на Новый год.

На кухне остался нетронутый бульон. Михаил накрыл его тарелкой и убрал в холодильник. Потом достал снова: вдруг проснётся голодным.

Утром надо было отвезти в мастерскую ключи от клиентской машины. Михаил нашёл их не там, где оставил, и впервые испугался не за сына, а за собственную голову. Проверил карманы, пакет из магазина, подоконник. Ключи лежали возле телефона. Он смотрел на них всё время, пока искал.

К клиенту позвонил сам. Сказал, что возникли обстоятельства и машина задержится.

— А мне завтра в больницу везти человека, — ответили ему.

Михаил закрыл глаза. У клиента тоже кто-то болел и ждал машину. Об этом он со вчерашнего дня не думал.

Он объяснил, какую часть работы выполнили, договорился с Сергеем, попросил извинить. Клиент ворчал, но согласился забрать к вечеру. После звонка Михаил написал другу несколько подробных сообщений о деталях. Сын проснулся от вибрации телефона.

— Ты из-за меня всё бросил?

— Не всё.

— Я могу один побыть.

Отец посмотрел на него. Под глазами Данилы лежали тёмные круги, на щеке отпечатались шов подушки.

— Я знаю.

Но в мастерскую не поехал. Сел возле окна с накладными, взятыми домой неделю назад. Строки расплывались. Через несколько минут отложил бумаги и прислушался к шагам сына.

Через полчаса Данила встал, поставил перед ним стакан воды.

— Таблетку выпей.

Михаил потянулся к таблетке и остановился: не помнил, принимал ли уже. Данила принёс упаковку, помог проверить, потом разлиновал лист по дням недели, чтобы отмечать приём.

Михаил смотрел, как сын выводит знакомые с детства буквы. Хотел поблагодарить, но горло перехватило. Данила положил лист рядом с упаковкой и молча придвинул стакан.

Глава 5

Ольга

В пакете лежал йогурт с вишней. Тамара не любила вишнёвый, Ольга это знала, но вечно покупала на бегу. За день до аварии Тамара сказала ей, что нельзя же быть настолько невнимательной. Дочь ответила: «Не нравится — не ешь».

Теперь йогурт стоял на столе возле Ольгиных ключей. Срок годности заканчивался в четверг.

Сумку и покупки вернули через несколько дней. Тамара подписывала бумаги, выслушивала объяснения и переспрашивала одно и то же. Двоюродная сестра Нина возила её по кабинетам. Когда Тамара спросила, придётся ли ещё раз смотреть на дочь, Нина только взяла её под руку.

В сумке были расчёска с двумя сломанными зубьями, пропуск в магазин бытовой техники, где Ольга работала старшим продавцом, и плоская коробочка таблеток от головной боли. Тамара убрала её в аптечку. Потом достала: боялась, что однажды выпьет таблетку и из Ольгиной жизни исчезнет ещё одна вещь.

Дочь жила отдельно уже шесть лет. Снимала однокомнатную квартиру возле рынка, ругалась на хозяйку, которая раз в месяц приходила пересчитывать ложки. Тамара предлагала вернуться домой. Они спорили, потом вместе выбирали шторы в съёмную квартиру. Ольга купила жёлтые. Через неделю пожаловалась, что с улицы комната похожа на киоск с шаурмой.

Коллеги принесли фотографию в рамке: Ольга возле ёлки в торговом зале, в красном колпаке, с чужим ребёнком на руках. Тамара попросила другую — не хотела отвечать на вопросы о мальчике. Нашли снимок с моря, обрезали подругу. Возле Ольгиного плеча остался кусочек чужой ладони.

Люди приходили с едой. Оставляли кастрюли и не знали, о чём говорить. Тамара запомнила, кому какую вернуть, благодарила за пироги. Это удавалось делать, пока всё остальное проходило мимо.

Подруга дочери, Марина, просидела до вечера. Сказала, что они собирались летом в Казань, а Ольга всё откладывала покупку билетов.

— Почему?

— На зубы копила.

Тамара не знала. Дочь жаловалась на зуб, но потом сказала, что записалась. Значит, не записалась. Или не пошла. Тамара уже хотела спросить Марину подробнее, будто ещё можно было заставить Ольгу заняться этим зубом.

Слёзы пришли без звука. Она сидела, сжимая кухонное полотенце, и не могла вдохнуть достаточно глубоко. Марина опустилась рядом на корточки. На её куртке был оторван карман — Ольга обещала спросить у матери, можно ли зашить.

В магазин, где работала дочь, Тамара зашла после похорон. Надо было забрать личное из шкафчика. Директор предложил прислать с кем-нибудь, но она сама захотела увидеть место, в котором Ольга проводила столько часов.

В торговом зале демонстрировали пылесос: рассыпали крупу и тут же убрали. На телевизоре плыл коралловый риф. Ольга однажды спросила: «Мам, если десять раз за день объяснить разницу между двумя блендерами, ты вечером ещё будешь любить человечество?» Тамара тогда ответила, что работу каждый выбирает сам. Сейчас вспомнился усталый голос дочери.

Директор открыл шкафчик. Там лежали сменные туфли, кофта, пакет сухариков и кружка с надписью «Начальство всегда право». Ольга начальством не была, кружку ей подавали за привычку командовать.

— Она строгая у нас, — сказала сотрудница и сразу поправилась: — Была.

Тамара кивнула. От этих поправок хотелось попросить всех говорить как раньше. Пусть хоть слово остаётся в настоящем времени.

В шкафчике нашлась благодарственная записка покупателя. Рядом лежала объяснительная: другой оскорбил Ольгу, та повысила голос и получила замечание. Тамара забрала обе бумажки.

Кофту прижала к лицу уже на улице. Пахло освежителем и чем-то знакомым, почти исчезнувшим. Прохожая спросила, не плохо ли ей. Тамара ответила: «Нормально». Прохожая пошла дальше, а она всё стояла с кофтой в руках.

На следующий день позвонил мужчина, назвался журналистом и попросил рассказать, какой была погибшая. Тамара спросила, зачем. Он ответил, что городу важно знать.

— Напишите, что она в воскресенье ко мне не приехала. Хотя обещала.

Мужчина замолчал. Потом сказал, что перезвонит в более подходящее время.

Тамара ждала, когда можно будет закрыть дверь и остаться одной. Оставшись, включила телевизор: от тишины заболели уши. По телевизору женщина выбирала дом у моря. Ведущий спросил, важна ли для неё близость к семье. Тамара переключила канал.

В телефоне оставался чат с дочерью. Последнее Тамарино сообщение: «Ну и ладно». Прочитано. Ответа нет. Она то закрывала переписку, то открывала снова, подолгу удерживала палец на этих словах, пока не появлялось предложение скопировать или удалить.

Вечером Нина пришла с новостями. Молодой водитель нашёлся. Говорили, что он сам пришёл с отцом. Говорили, что виноват другой, на грузовой машине. Говорили, что на переходе плохо горит фонарь.

Тамара попросила её не рассказывать, что говорили.

— Когда точно узнаешь — тогда.

— Я думала, тебе надо знать.

— Мне надо, чтобы она пришла.

Нина села на табуретку, не снимая пальто.

До ночи они перебирали документы. Квитанция за квартиру, гарантия на тостер, чеки. Один Ольга сохранила, потому что выиграла по нему какие-то бонусы. Тамара не понимала, что с ними делать. На бумажке уже выцвело название магазина.

Потом Нина ушла. Тамара открыла холодильник, увидела йогурт и переставила его на верхнюю полку. Там холоднее. Может быть, простоит дольше.

Глава 6

Надо разобраться

В первый понедельник после аварии Михаил положил на верстак школьную тетрадь в клетку. На первой странице написал: «Заводская». Ниже — время звонка, адрес перехода, фамилию адвоката. Когда сведения появлялись на бумаге, с ними можно было что-то делать.

Сергей сказал, что возьмёт два ближайших заказа. Михаил кивнул, не поблагодарив: ему казалось естественным, что привычная работа пока подождёт. Он доехал до перехода на «Ниве», припарковался у мебельного магазина и сразу почувствовал себя лишним.

Через проезжую часть тянулась потёртая «зебра». Знаки стояли с обеих сторон. Один фонарь горел даже днём. За краем асфальта начиналась растоптанная мокрая земля. К ограждению привязали цветы в прозрачной упаковке и маленькую мягкую игрушку.

Михаил отвернулся от игрушки и взялся за дверцу машины. Отсюда вчера увезли женщину, в которую врезался его сын.

Он фотографировал переход с разных точек. Встал там, где, по словам Данилы, был фургон. Дошёл до следующего поворота. Попробовал увидеть, как человек мог внезапно оказаться перед капотом. Пока шёл, заметил водителя, остановившегося пропустить школьников. За его машиной затормозила другая. Ничего особенного не произошло.

Продавщица мебельного магазина позволила подождать директора. Михаил сел на диван с ценником и тут же встал: боялся испачкать. Директор оказался женщиной с перебинтованным запястьем. Она сказала, что записи уже забирали сотрудники полиции, но наружная камера смотрит главным образом на погрузку.

— Мне бы тоже посмотреть, — попросил Михаил.

— Я вам чужие материалы просто так не раздам. Через адвоката запросите.

Он записал её фамилию. Прежде назвал бы такую осторожность разумной. Сегодня приходилось заставлять себя не спорить.

В соседней аптеке ничего не видели. У парикмахерской камера была муляжом. В шиномонтаже обещали узнать у хозяина. Михаил оставлял номер телефона и каждый раз говорил: «Любая мелочь». Под конец дня эта фраза перестала что-либо означать.

Возле остановки мужчина в рабочей робе сказал, что там постоянно носятся. Михаил сразу достал тетрадь.

— В субботу видели?

— Каждый день вижу.

— Именно аварию?

— А, эту? Нет, я в ночь работал.

Мужчина продолжал объяснять, как перестроить улицу: переход убрать под землю, остановку перенести, пешеходов пустить в обход. Михаил уже собрался спросить о фонарях, когда увидел старушку, ожидавшую возможности перейти.

Ей и здесь-то было трудно дойти до аптеки. В обход добавлялось бы несколько сотен метров.

Попрощавшись, он дошёл до машины и попытался вспомнить свои поездки по этой дороге. Однажды пропускал женщину с пакетами. В другой раз ждал у автобуса и раздражался, что пассажиры всё идут. Тогда проехал — и забыл.

Из мастерской позвонил Сергей. Спросил, где лежит съёмник. Михаил назвал полку, потом вспомнил, что сам унёс инструмент в «Ниву». На минуту они замолчали.

— Я привезу.

— Мне сейчас надо.

— Через двадцать минут.

Пришлось свернуть поиск, ехать обратно. Сергей взял съёмник без комментария. Михаил постоял рядом, предложил помочь. Друг сказал, что закончит сам, а ему лучше поехать домой и поспать.

Дома он не уснул. Вырезал из распечатанной карты участок дороги и вклеил в тетрадь. Данила лежал в своей комнате.

Пока Михаил ездил по Заводской, сын отвечал на каждый звонок: всё нормально. Отец спрашивал, разогрел ли бульон, ел ли хлеб. На вопросы о страхе у него не находилось таких же простых ответов.

Громова получила копию доступного фрагмента с камеры у дома через дорогу. Вечером они посмотрели запись в её кабинете. Переход в кадр почти не попадал. Фургон проехал за рекламным щитом, через несколько секунд слева мелькнула тёмная легковая машина. Самого столкновения видно не было.

Михаил наклонился к экрану.

— Время другое.

— Заметили.

Время на записи не совпадало со временем первого вызова помощи. Михаил переводил взгляд с цифр на экран и обратно.

— Значит, это вообще может быть не та машина.

— Может быть неправильная настройка часов.

— А может, не та машина.

Громова остановила запись.

— Проверим. Только не делайте вывод заранее.

Михаил позвонил Сергею из коридора: есть серьёзная нестыковка. Потом — сыну. Данила отозвался живее обычного и спросил о работе:

— Ты в мастерской сегодня был?

— Был.

— Серёге скажи, я ему потом помогу. С накладными или ещё с чем.

Выходя из кабинета, Михаил несколько раз перечитал сыновье сообщение. Данила думает о Сергее, готов помочь. С таким человеком не могло случиться худшего — отцу сейчас требовалось верить хотя бы в это.

У подъезда он встретил соседку Валентину Петровну. Она спросила, правда ли то, что пишут в интернете. Михаил ответил, что пока ничего не установлено, и прибавил про камеру.

— Вот видите, — сказала соседка. — А люди уже осудили.

Он поднялся домой и впервые нормально поел. Данила сидел напротив, отщипывал хлеб, спрашивал, что Громова собирается делать завтра.

Перед сном Михаил открыл местную группу. Там спорили о фонаре, пешеходах, молодых водителях и белом фургоне. Он написал: «Не торопитесь с выводами. Есть вопросы к записям».

Комментарий быстро собрал одобрения. Михаил несколько раз обновил страницу. Ему казалось, что теперь они не одни.

Глава 7

Другой водитель

Илью Серова он нашёл возле хлебной базы. Тот стоял у фургона и проверял накладные, прижав их к капоту. На белом борту проступало название фирмы, покрашенное не до конца.

Михаил представился. Илья убрал бумаги в кабину.

— Я всё рассказал.

— Я отец. Хочу сам понять.

— Что именно?

Серов был моложе, чем Михаил ожидал. Худой, с тёмной щетиной, с красными от холода руками. Большой палец замотан чёрной изолентой. В мастерскую часто приезжали такие водители — сами чинили, что могли, и надолго откладывали всё остальное.

— Почему резко затормозили?

— Потому что человек шёл.

— Вы его видели заранее?

— Её. Женщину. Да.

— А мой сын говорит...

— Я знаю, что он говорит.

Водитель посмотрел не на Михаила, а за его плечо. С базы выносили ящики с хлебом. Один грузчик остановился послушать, второй толкнул его локтем.

— Я остановился перед переходом, — сказал Илья. — Она пошла. Потом он вылетел слева. Всё.

— Вы же её закрыли.

— Мне что, сквозь себя её пропустить надо было?

— Я не это спрашиваю.

— Вы именно это спрашиваете. В третий раз уже.

На переднем левом углу фургона была длинная тёмная царапина. Ниже чуть отходил пластик. Михаил присел, провёл взглядом по краю, не касаясь.

— Это откуда?

Илья закрыл дверцу кабины.

— Старое.

— Насколько старое?

— До этого было.

— Документы есть?

— А вы кто такой, чтобы у меня документы требовать?

Михаил выпрямился. Требовать документы он не мог, это понятно. Но раздражение Серова казалось знаком страха.

— Там женщина погибла, — сказал он.

Илья долго молчал.

— Я знаю. Я возле неё сидел.

Михаил опустил глаза. Он ещё не представлял, что кто-то стоял на коленях возле сбитой женщины, ждал помощи, пытался с ней говорить. В его мыслях сразу после удара начинались полиция и бумаги.

— Вы скорую вызывали?

— Да.

— Она...

— Не спрашивайте меня.

Из дверей вышел мужчина в синей куртке, позвал Серова. Тот взял накладные. Разговор заканчивался без согласия Михаила, и он попытался удержать его последним вопросом:

— Вы уверены, что сами её не задели?

Илья обернулся.

— Уезжайте.

Михаил сфотографировал царапину. Серов видел, но не стал мешать. Отец убрал телефон, чувствуя, что наконец увозит с собой хоть что-то.

После разговора Михаил заехал на заправку. Там продавали кофе и горячие бутерброды, сын иногда просил привезти. Отец достал телефон, набрал вопрос, хочет ли Данила есть. Стёр: глупо спрашивать про бутерброд после того, что только что услышал.

Мужчина перед ним долго выбирал незамерзающую жидкость, уточнял температуру и запах. Михаил уже хотел поторопить. Заметил бинт на его пальце, вспомнил Серову изоленту и промолчал.

Он купил два бутерброда. Один оставил сыну, второй развернул в машине. Сыр прилип к бумаге. Михаил ел и рассматривал снимок: царапина получилась отчётливо. Произносить слова Серова вслух сейчас не хотелось.

Домой ехал, стараясь думать только о фотографии.

Вечером Илья приехал домой позже обычного. Вера ждала с ужином. Семилетняя Лиза рисовала за маленьким столом: дом, дерево, фургон, похожий на автобус.

— Пап, ты тётю сбил?

Илья не успел снять второй ботинок.

— Кто тебе сказал?

Лиза втянула голову в плечи.

— Не кричи, — сказала Вера.

Он не заметил, что кричит. Стоял в прихожей с шапкой в руках. Из кухни пахло гречкой. В кармане завибрировал телефон: диспетчер прислал завтрашний маршрут.

— Мне Соня сказала, — прошептала Лиза. — Её мама прочитала.

Он сел на пол рядом с ботинками.

— Я не сбил. Другая машина. Я остановился.

— А почему Соня так?

— Она не знает.

— А ты ей скажешь?

Илья посмотрел на Веру. Та стояла у плиты с полотенцем в руках. Завтра ей придётся объяснять учительнице, потом Сониной матери, потом кому-то ещё. И всякий раз — с самого начала.

Лиза принесла рисунок.

— Это ты хлеб везёшь.

На рисунке фургон был жёлтым. Илья сказал, что очень похоже. Потом поел холодную гречку и долго проверял телефон, хотя маршрут знал наизусть.

Когда Лиза уснула, Вера села напротив.

— Ты мог не выходить? — спросила она.

Илья поднял голову.

— В смысле?

— Я не про то, что не помогать. Просто если бы другой уже вызвал...

Она остановилась. Илья отвернулся. Наверное, она тоже думала, как им не попасть в эту историю, если бы можно было вернуться назад.

— Я первый был, — сказал он.

— Знаю.

— Там никого больше. Ещё женщина с остановки, но она далеко. Потом люди подошли.

Вера кивнула и подвинула к нему хлеб. Илья уже закончил есть, но отрезал ещё кусок.

Илья рассказал про отца молодого водителя. Тот смотрел на повреждение фургона, будто уже нашёл ответ. Вера спросила, не нужно ли самим взять адвоката. Илья сказал, что пока не понимает. На это тоже требовались деньги.

Она открыла банковское приложение. До платежа по ипотеке оставалось девять дней. Деньги были, если рейсы не отменят и машине не понадобится ремонт. Раньше они тоже так считали. Сейчас Вера проверила сумму ещё раз.

— Надо узнать, — сказала Вера. — Хотя бы консультацию.

Илья хотел возразить: он же не виноват. Посмотрел на рисунок у холодильника и промолчал. На консультацию всё-таки следовало найти деньги.

Перед сном проверил, спит ли Лиза. Дочь лежала поперёк кровати, выдавив мягкую игрушку к краю. Он поправил одеяло. Девочка сонно спросила, утром он повезёт её сам или мама.

— Я, — ответил он.

Она успокоилась и отвернулась. Илья ещё немного постоял возле кровати.

Михаил в это время показывал Даниле фотографию царапины.

— Видишь?

Сын наклонился к экрану. Лицо у него стало внимательным.

— Вот, — сказал он. — Я же говорил, там надо смотреть.

Глава 8

Я тебя вытащу

На свой подъёмник Михаил копил два года. Хотел взять подержанный, но Сергей убедил купить новый. Договорились: один принадлежит Михаилу, другой — Сергею. Остальное постепенно покупали вместе; кому какая мелочь принадлежала, уже не помнили.

Теперь покупатель просил снять видео, как опускаются лапы.

Михаил снимал с телефона, стоя на том месте, где обычно сидел Данила, когда приезжал после школы. В углу ещё виднелась маленькая зарубка на доске: сын однажды проверял там новый перочинный нож. Михаил сказал, что ещё раз — и нож уйдёт в металлолом. Потом сам наточил его.

— Двести двадцать поставил? — спросил Сергей.

— Да.

— За сто восемьдесят начнут.

— Не отдам.

Сергей открыл тетрадь заказов, закрыл.

— Давай сначала посчитаем.

Михаил выключил запись.

— Я уже считал.

— Ты расходы посчитал. Я про то, на чём работать будем.

— Один останется.

— Тогда половину заказов с ходовой переносить. А аренда та же.

За стеной заработал компрессор. Пока он шумел, оба молчали. Михаил смотрел на кнопку подъёмника, будто спор шёл из-за неё.

— Ты хочешь сказать, чтобы я не тратился?

— Я хочу сказать — давай я дам часть денег. И с Громовой договоримся по этапам.

— У тебя свои.

— Вот именно. Поэтому я умею считать дальше пятницы.

Сергей говорил без злости. Михаил всё равно слышал упрёк. Слово «хватит» в любом значении теперь хотелось оспаривать.

В обед Сергей вышел во двор и позвонил жене. Михаил видел его через стекло, но не слышал. Друг долго объяснял что-то, потом замолчал, опустив голову. Вернулся с красным от холода лицом.

— У нас лежит на ремонт, — сказал он. — Мы кухню хотели менять. Могу дать половину. Без процентов, без геройства.

У Сергея дома была старая кухня, с дверцей на резинке. Татьяна давно хотела новую; Михаил даже измерял ей стену под шкафы.

— Не возьму.

— Я поговорил. Мы оба предлагаем.

— Ей скажи спасибо.

Сергей убрал телефон. Михаил был благодарен, но брать не хотел: чужая семья будет обсуждать его, откладывать свой ремонт, ждать возврата. С покупателем проще — вещь за деньги, и разговор окончен.

— Мне так легче, — произнёс он.

— Тебе сейчас многое легче сделать одному. Только последствия будут общие.

Михаил оглядел оба рабочих места. С одним подъёмником заказы придётся переносить, а долю аренды Сергей всё равно заплатит. Михаил ещё не посчитал, сколько его решение отнимет у друга.

Они вернулись к машине клиента. Час работали почти молча. Михаил держал фонарь, Сергей откручивал крепление. Свет дрожал, и друг дважды просил подвинуть руку. На третий раз забрал фонарь, закрепил сам.

Михаил отошёл к столу. Пообещал себе вернуть Сергею всё потерянное на заказах — позже, когда разберутся с делом. Сейчас хватило и этого обещания.

Вечером Данила сидел на полу у шкафа и разбирал коробку с проводами. Что-то искал для ноутбука. Вокруг лежали старые зарядки, наушники с одним ухом, кабель от давно выброшенного принтера.

— Ты подъёмник продаёшь?

— Кто сказал?

— Серёга спросил, нет ли у меня нормальных фоток для объявления.

Михаил снял куртку.

— Надо деньги.

— Не надо его продавать.

— Без тебя решим.

Сын опустил глаза, зашуршал проводами в коробке. Михаил пожалел о резкости, но извиняться не стал: продажу уже решил.

— Ты всю жизнь на него копил, — сказал Данила.

— Не всю. Два года.

— Пап.

— Это железо. Разберёмся.

Данила встал, подошёл. Михаил ожидал объятия, однако сын остановился в шаге от него.

— Мне правда ничего не будет?

Отец не ответил сразу. Громова говорила о возможном наказании без обещаний. Михаил помнил цифры, хотя старался не произносить их даже мысленно.

— Надо работать, — сказал он. — Разбираться. Не паниковать.

— Мне ночью всё время кажется, что сейчас придут.

— Мы с Громовой на связи. Всё делаем, как она сказала.

— А причина есть.

Михаил посмотрел на сына. Тот стоял босой, в старой футболке, у которой растянулась горловина. На предплечье был детский шрам от велосипедной цепи. Отец помнил, как промывал его над ванной. Данила кричал, потом потребовал, чтобы ему разрешили самому наклеить пластырь.

— Я здесь, — сказал Михаил.

— А если ты не сможешь?

Он хотел сказать, что не знает. Не решает за следователя и суд, не может вернуть ту женщину. Сын ждал ответа, глядя ему в лицо.

Вместо этого обнял сына.

— Я тебя вытащу.

Сказал и почувствовал, как Данила расслабляется. Это было так необходимо им обоим, что Михаил позволил себе на минуту поверить.

Позже, когда сын уснул, он вернулся к объявлению. Покупатель предложил сто семьдесят. Михаил написал: «Мало». Потом посмотрел на стоимость дальнейшей работы адвоката, на сумму за консультацию специалиста, на остаток на карте.

«Сто восемьдесят и забираете сами», — отправил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.